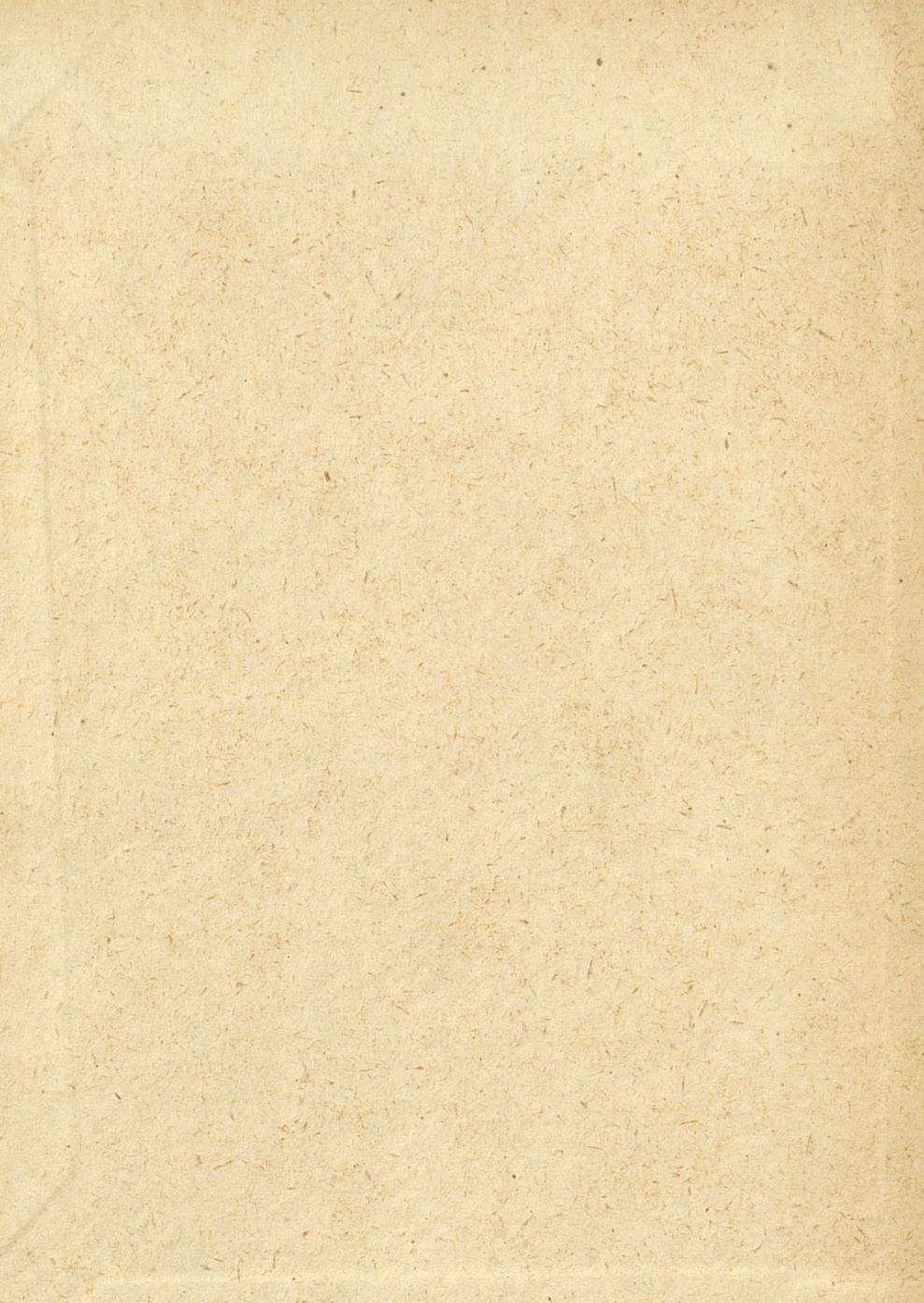

W

$\frac{36}{39}$

Ш 26
39

КАЛИКА ПЕРЕХОЖАЯ

ПОЭМА

ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1861.

WILSON BROTHERS

NEW YORK

NEW YORK

NEW YORK

NEW YORK

КАЛИКА ПЕРЕХОЖАЯ.

РАБОТЫ ИЛИ АННАЛЫ

1898

ОТДЕЛЕНИЕ НАУК

КАТЕГОРИИ

ИЛИ АННАЛЫ

1898

W 36
39

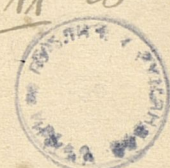
КАЛИКА ПЕРЕХОЖАЯ

ПОЭМА

ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО

IX-5800

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФИИ Д. КАЛИНОВСКАГО
1861.

(Изъ журнала «Свѣточа»).

2007052532

КАЛИКА-ПЕРЕХОЖАЯ

—

I.

Грибомъ стоитъ въ селѣ избенка....
Въ избенкѣ плачетъ старушонка:
Вчера угнали въ рекрута
Ея радѣльца — радость-сына. —
Изба нетоплена, пуста,
Чадить сосновая лучина.
И ждетъ она: вотъ-вотъ войдетъ,
Вернется сынъ! — такъ чутко ждетъ —
Но тихо все: лишь вѣтеръ свищетъ,
Да мелкій дождь, что прутьемъ, хлыщеть....

А хоть и сдать-бы не законъ,
Да противъ старосты не сладить;
Какъ не взлюбилъ Васютки онъ,
Такъ и доѣхалъ! заморенъ
Ужь больно паренъ былъ. — «Спровадить
Положено моль на міру,
Затѣмъ что нерадивъ!» — старухѣ

Сказаль онъ разъ — и глядь, Васюхѣ
Забрили лобъ на ту-жь пору.

II.

Мірскимъ христовымъ подааньемъ
Она кормилась отъ села,
Кормилась годъ, и всё ждала
Родного гостя съ упованьемъ.
Къ обѣднѣ-ль въ праздникъ зазвонять,
Она накинеть тѣлогрѣйку,
И въ церкви, съ нищенками въ рядъ,
Въ одну христовую семейку
Собравшись, станеть у дверей —
И подають міряне ей:
Кто грошъ подасть, а кто копѣйку, —
Тѣмъ и жилà....

А всё тоска,
Что червь подточнѣй грудь ей гложеть,
И что могильная доска,
Все давить, давить... И не сможетъ
Она съ тоски на свѣтъ взглянуть,
Ни Богу честно потрудиться,
Ни поработать, ни уснуть;
Затѣмъ, что коршуномъ гнѣздится
Въ душѣ все дума у неѣ:
«Ужъ мнѣ моль, старой, не житье,
Знать, на свѣту: къ землицѣ клонить!...
Да кто-жь безъ сына-то схоронить? .
Чай, на міру сколотятъ гробъ,

Чай, и проводить даромъ пошь....
Да не о смерти-то кручина:
Кабы взглянуть еще хоть разъ,
Хоть бы въ конешный-то свой часъ,
На чада-милаго, на сына;
Таковъ ли сталь, каковъ-то былъ?
Поди, зачахъ, аль мать забылъ!...»

* * *

И было сонное видѣнье
Убогой старицѣ въ ночи:
Какъ-будто, гдѣ-то тамъ сраженье
И гдѣ-то ломаются мечи..
А ночи-тѣмны, тучи-грозы
Вдоль по поднёбесью плывутъ,
Плывутъ и грозы, и морозны,
И вѣтромъ бьютъ, и градомъ бьютъ...
Вокругъ—безъ прѣсвѣту поляны,
А надъ полянами туманы,
Туманы сизые встаютъ,
И сквозь туманы, за поляны
Да все солдатухи идутъ!..
Вотъ-вотъ одинъ... отсталъ, бѣдняга...
Упалъ и стонетъ... хочеть пить,
Водицей рѣнушки промыть—
Да нѣтъ воды: пуста баклага...
Зоветь—и нѣкому помочь:
Проходятъ мимо все и мимо,
Уходятъ въ даль, уходятъ въ ночь...
Ушли... куда?—и невѣстимо!..
А онъ одинъ... а вѣтры бьютъ...
Вокругъ—безъ прѣсвѣту поляны

И надъ полянами туманы,
Туманы сизые встають...
Но вотъ яснѣе и свѣтлѣе
Изъ мглы клубятся облака—
И снѣга бѣлаго бѣлѣе
Течеть изъ мѣда и млега
Въ долину́ Иорданъ-рѣка.—
А надъ рѣкой грозы-грозиѣе
Встають верхи Господнихъ горъ —
Синай, Голгоѳа и Ѡаворь...
Играють божіи зарницы,
Цвѣты-лазоревы цвѣтуть,
И на вѣтвяхъ Сирены-птицы
И славословять и поють...
Возносить райская обитель
Тамъ позлащенные главы:
Въ преддверьи стражи—звѣри-львы,
А на престолѣ самъ Спаситель
И на главѣ Его вѣнецъ,
Во длани скипетръ и держава,
И съ Нимъ—Богъ-Духъ и Богъ-Отець,
И вся глаголемая Слава.
И „ святъ, святъ, святъ!“ Ему рекутъ
Земля и твердь во честь Владыки,
И всѣ архангельскіе лики
Пѣснь херувимскую поють...
Дивится старица чертогу—
И се, раздался зычный гласъ:
«Воспрянь отъ сна и внемли Богу,
Зане приблизился твой часъ!
Се, уготоваль Азь дорогу—
Возстани, божія раба,

И съ миромъ въ путь гряди!»

И съ крикомъ

Проснулась въ трепетѣ великомъ
Старуха въ полночь..., Знать, судьба!“
Крестясь, она пролепетала,
«Пора за сыномъ, въ путь пора!» —
И отъ полночи до утра
Съ молитвой мать поклоны клала.

* * *

И сколотила кое-какъ
Она за нищенскій пятакъ
Въ дорогу лапотки съ котомкой,
И подпоясавшись погромкой,
Взяла убогій посошокъ,
Да захватила образокъ —
«Мать всѣхъ скорбящихъ,» да въ трыницу
Съ могилы отчихъ мать-землицу,
И въ долгій путь, благословясь,
Пошла подь осень, въ снѣгъ и грязь.
И вотъ предъ ней опять поляны
Уходятъ въ даль и въ даль зовуть,
И надъ полянами встають
И ходять сизые туманы.

III.

Охъ, не одна ль то, не одна
Дорога въ полѣ пролегала,
Какъ сплошь-то ельничкомъ она,

Дорога, частымъ заростала!
Ужь и куда-же ты, куда,
Дорога гладью разстлалась,
Ты сквозь какіе города
Широкой ширью пробивалась?—
Охъ, вѣшься-стелешся-ли ты
За глубь лѣсовъ-боровъ дремучихъ,
За ширь степей-песковъ сыпучихъ,
За тѣ-ль крутя высоты!
Охъ, за крутя высоты,
За прясло хмураго тумана
До синя моря-Окіяна.
До поднебесной красоты!
И на своемъ вѣку не мало
Всего ты вдѣсталь повидала:
Не разъ-то съ пѣсней плясовой
Тебя и брагою хмѣльной
Людская удалъ поливала,
А и невзгода окропляла
Мірскою горькою слезой.

* * *

Бредеть съ котомкою убогой
Путемъ сирь-древень человекъ,
Гдѣ много изстари калѣкъ
Ходило торною дорогой.

Охъ, тяжело ты, тяжело
Житье калики-перехожей:
Все тѣло солнцемъ ей спекло
Подъ закарузлой, старой кожей;
Нога и стерта, и боса;

Едва прикрыта грудь больная,
И вѣтеръ хлещетъ развѣвая
Ея сѣдые волоса...
И нѣтъ ей въ свѣтѣ уголочка:
Постель ей — мать сыра-земля,
Пень — изголовье, пологъ — ночка,
Хозяйство — божіи поля.

И будь ей лѣсъ или долина,
Морозъ иль жаръ — ей все равно:
Забыла всё она давно,
Лишь помнитъ путь, да ищетъ сына.

* * *

Тускнѣетъ въ небѣ синева,
Земля потрескалась отъ зною,
И катитъ мѣрною волною
Вдоль по степи ковыль-трава;
А въ чистомъ полѣ кустъ калины
Съ ракитой дрѣмною стоитъ
И съ вѣтромъ старья былины
Своею рѣчью говорить.

«Охъ, ты калинушка-калина,
Ты раскудрявая моя!
Поразкажи-ка мнѣ про сына,
Хоть разутѣшилась-бы я!»

И о лихой солдатской долѣ
Калина шепчетъ ей слова,
А въ чистомъ полѣ, на раздолѣ,
Катитъ волной ковыль-трава

На всей широкой божьей волѣ....

* * *

... Идетъ, — хоть косточки хрустять,
Хоть рѣсы ноженьки студятъ,
Съ осенней зорьки до денницы, —
А по зорѣ надъ нею птицы —
Все гуси-лебеди летать.

«Вы, гуси-лебеди, скажите,
Не встрѣли-ль сына гдѣ порой?
А хоть и встрѣтите, снесите
Ему поклонъ вы отъ родной!»

* * *

Гудить мятелица шальная
И колетъ иглами морозъ; —
Бредеть старуха — и отъ слезъ
Рѣсница слиплася сѣдая.
Глухая ночь.... боры шумятъ....
А воронъ шлетъ бѣду да лихо,
И натравляетъ волченятъ
На переходную волчиха.

«Ты, мати-сѣрая волчиха,
Потёмной ночи куманиха,
Гдѣ тѣ солдатушки стоятъ,
Гдѣ тѣ ребятушки гуляютъ,
Что горе лихомъ запиваютъ,
Съ бѣдой-сударушкою спятъ?!» —

А ей въ отвѣтъ, снѣга взметая,
Гудить мятелица шальная.

IV.

Три года — Богомъ въ небеси
Сказать, гдѣ сынъ, у всѣхъ просила,
И гдѣ-то, гдѣ не исходила
Она по всей-то по Руси,
По всей широкой, по раздольной,
Съ своей зазной сердобольной!
И въ Новѣ-градѣ побыла,
И въ Кіевѣ пробралась въ петровѣи,
И по обѣту на Соловки
Къ святымъ угодникамъ прошла:
Мощамъ явленнымъ поклониться,
Кресту честному потрудиться,
Путемъ сыночка отыскать,
И повидавшись, — на погостѣ
Заупокоить стары-кости
И Богу душеньку отдать.

Въ иныхъ мѣстахъ ужъ и по слуху
Міряне вѣдаютъ старуху,
А кое-гдѣ и не впервой
Подать ей грошикъ иль краюху
Иль пріютить на часъ ночной.
А гдѣ, случается, и знаютъ,
Да лишь не по добру встрѣчаютъ,
Не по завѣтной старинѣ
На чужедальной сторонѣ —
Охъ, чужедальная сторонка
Безъ вѣтру досуха сушить

И безъ морозу-то знобить,
И надъ чужимъ-то горемъ звонко
Хохочетъ вволю и крушить!

V.

Прокралось утро — и туманы
Ползуть за снѣжныя поляны....
Проснулось людное село;
Въ морозной мглѣ взыграло солнце
И ярко каждое оконце
Багрянымъ золотомъ зажгло.

И на солдатскую стоянку
Пришла старуха спозаранку;
Изябла вся, и вдоль села
Бредеть — пытается про сына, —
Знать, и теперь чутьемъ вела
Ее завѣтная кручина.

— А нѣтъ-ли, братцы, промежь васъ
Васютки Лаптя?... чай, съ печали
Зачахъ, — а парень на показъ!
Аль нѣтъ такого? не знавали?

— Васюхи Лаптя? — какъ не знать!
У насъ!... Да ты-то кто?...

— А мать....

— Мать... эго дѣло!... ну, попала!...
Пришла-бы раньше, не застала....
Здѣсь, здѣсь сыночекъ!... Да вишь ты... онъ

Съ тоски былъ, бають, заморень:
Все по тебѣ-же... Ну, и тягу!
Въ бѣги затѣялъ — въ темный боръ;
Да не надолго: не хитерь! —
Ужь ловять въ третій разъ бѣднягу.

И съ первыхъ словъ подь сердце ей
Щекотно что-то подстучило
И щастьемъ-радостью забило
И изъ груди и изъ очей;
И отъ восторга мать сначала
Тѣхъ страшныхъ словъ не дослыхала:
Съ великой радости она
Затрепетала, что былина:
Нашла.... нашла надѣжу-сына! —
И снова жизнь для ней красна!
И все пытается: «гдѣ-жь квартера,
Стоить-то гдѣ онъ?... гдѣ живетъ?»...

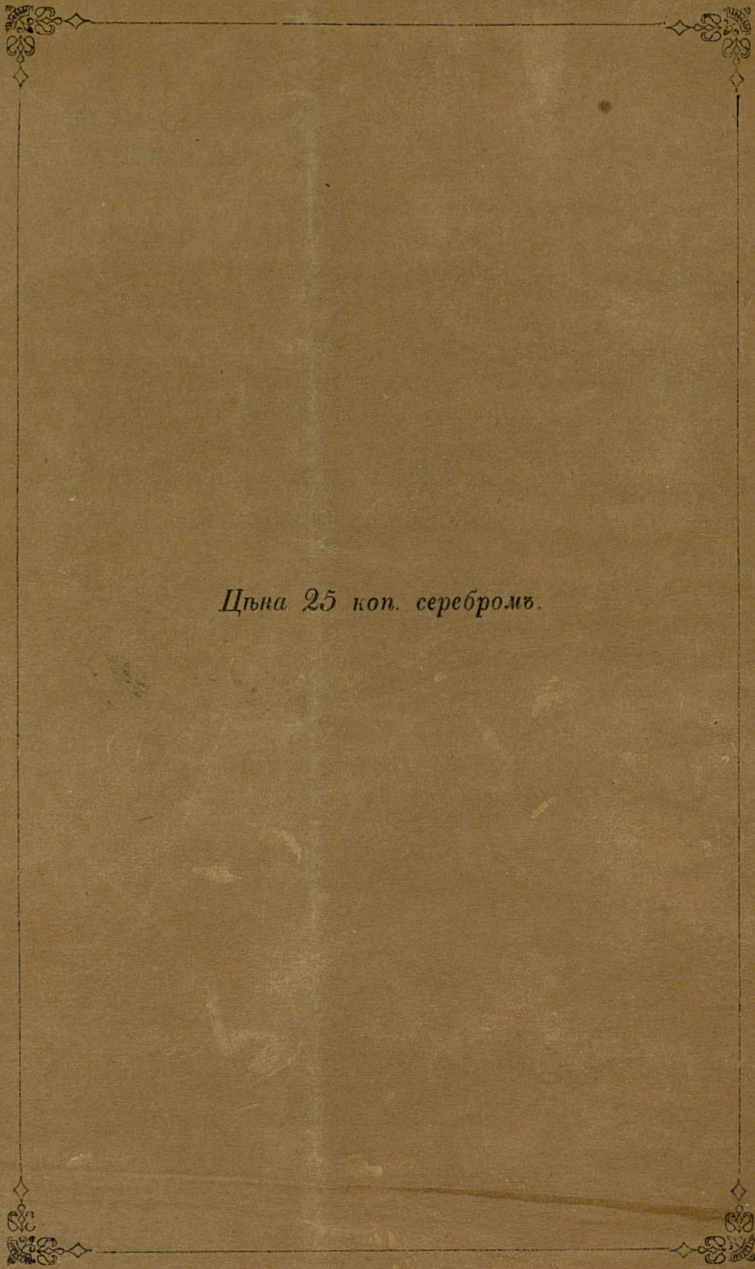
— А вотъ спроси у кавалера;
Онъ и расскажетъ и сведеть....
Ступай на выгонъ: вонъ, на поле,
Гдѣ барабанъ-то все трещить, —
Ну, тамъ и сынъ... живетъ на волѣ:
Въ зеленой улицѣ стоять!

И вдругъ пустилась, что есть духу,
Калика въ поле, вся дрожа. —
Сразило радостью старуху
Да пуще остраго ножа!...
Бѣжитъ, крестясь и рыдая,
Раскрыта грудь, нога боса,

И вѣтеръ хлещетъ, развѣвая,
Ея сѣдые волоса....

И вотъ ужъ близко до поляны...
Глядитъ: народъ стоитъ гурьбой,
И заглушаетъ барабаны
Какой-то долгій, дикій вой;
А вдоль шененга фронтовая
Зеленой улицей стоитъ —
И что-то, вѣтеръ разсѣвая,
Въ морозномъ воздухѣ свиститъ....

H. 1874
 H. 1875
 H. 1876
 H. 1877
 H. 1878
 H. 1879
 H. 1880
 H. 1881
 H. 1882
 H. 1883
 H. 1884
 H. 1885
 H. 1886
 H. 1887
 H. 1888
 H. 1889
 H. 1890
 H. 1891
 H. 1892
 H. 1893
 H. 1894
 H. 1895
 H. 1896
 H. 1897
 H. 1898
 H. 1899
 H. 1900

Цѣна 25 коп. серебромъ.

2007052532